

– Что тебе прислать, сынок? – Мамин голос в трубке снова звучал как чужой. Тихо, едва ли не грустно. Хотя речь шла о моем юбилее.

Сорок лет вроде бы. Говорю «вроде бы» не из кокетства. Я запретил себе думать о возрасте. Настолько успешно, что подолгу сомневаюсь, заполняя всякие анкеты. Любая цифра больше тридцати кажется мне подозрительной.

Зеркал я избегаю, бреюсь на ощупь. Близорукость – опять-таки плюс. А если мельком отразится чья-то унылая физиономия, так это мой старший брат. Я всегда хотел старшего брата.

– Здорово, – он всматривается, якобы давно не виделась, – как сам?

– Я-то хорошо. А вот ты?

– Да болею...

– Чем?

– Всем понемногу.

– Пить бросай. И жрать. И пластику сделай наконец. Щеки вон развесил, как сенбернар.

– Да пошел ты! – Он поворачивается спиной. Уходит.

И пусть катится. Не о таком брате я мечтал.

«Сынок» – не мамина лексика. Это она к пенсии расслабилась. Раньше не выносила телячьего сюсюканья.

«Болтать о чувствах легко, – говорила она, – настоящее проверяется делами. Только делами».

И она со мной натворила этих дел. Полжизни разгребаю.

– Часы, – неожиданно ответил я. – С механическим заводом. Здесь таких нет – все на батарейках. А там у вас, может, остались.

И сразу понял, откуда это. Родители подарили мне часы на окончание института. Я с ними работал в двух школах. А перед третьей – обронил, кажется, в Ялте. Правда, необходимость в них тогда отпала. Учитель чувствует время – плюс-минус три минуты, даже бывший. Хотя я думаю, что бывших учителей не существует. Как, например, бывших шпионов. В каком-то смысле учитель – тоже шпион. Иногда проснусь ночью и знаю, что на дисплее 3:33. Или 4:44. Смотреть тошно.

Горе дитю, зачатоу в семье перфекционистов. Мой отец, интроверт, улучшал только себя. А мама – всех. Четверка по любому предмету считалась у нас дома недоразумением и тщательно анализировалась. Но и за пятерки меня не хвалили как за итог ожидаемый и безупречный.

«Выше требования к себе, – твердила мама, – запомни это. Выше требования к себе».

Вздыхая, она рассказывала о замечательных детишках сослуживцев и подруг. Леша – круглый отличник, идет на медаль. Таня – умница, абсолютный слух – поступает в консерваторию. Дима бегло читает по-английски, готовится стать военным переводчиком. Миша – чудесный хирург, звали в Италию – не поехал. Молодец, не бежит от трудностей. Захар – такой надежный, всегда поможет, отладит, исправит, довезет – хоть ночью его позови.

Я был хуже их всех. Комплекс неполноценности вбивался мне в голову шестидюймовыми гвоздями.

В седьмом классе я понял: надо что-то менять. Для начала бросил опостылевшую музыкальную школу. Записа-

ла меня туда понятно кто. Мама бледнела от гордости, когда я с отвращением исполнял что-нибудь для подвыпивших гостей. Или на очередном концерте – деревянный от волнения и нового костюма. О, эти ненавистные концерты...

Заданий в обеих школах с годами прибавлялось. Ко мне почти не ходили друзья. Я стал непопулярен. Авторитетом пользовались мастера футбола и хоккея. А также умельцы начистить кому-нибудь репу. Чуть ниже котировались модные шмотки, импортные сигареты и амурные успехи. Игра на пианино отсутствовала в этом списке. Вернее, находилась в области минусовых величин. Однажды я сказал: хватит. Первый раз.

Затем начал хуже учиться. Из-за конфликта с математичкой получил две тройки в аттестате. После выпускного ходили бить ей окна. Жаль, не попали – все-таки четвертый этаж. Любопытно, что сейчас я зарабатываю математикой на хлеб и колбасу.

Одновременно я стал понемногу выпивать. В институте продолжил это дело с опасным энтузиазмом. Зависал в общагах у друзей, прогуливал лекции. Балансировал на грани отчисления. Регулярно забывал имена своих девушек, что их, как правило, не смущало. Естественно, связался черт знает с кем. Одна моя пассия из деревни Кошки носила сельповское имя Зина. Или Клава, не помню. Название деревни меня заинтриговало. Я даже побывал там. Отец Клавы (или все-таки Зины?), приняв меня за жениха, напоил самогоном до изумления. Вернувшись, я злорадно объявил маме, что женюсь на Клаве.

Старшекурсником я избегал дома неделями. Подрабатывал ночным сторожем. Получив диплом, распределился в невыносимую глушь. Казалось, только дистанция способна исцелить агонизирующие отношения с родителями. И еще, может быть, время. Так и случилось.

Вскоре я осознал, что кроме расстояния важно еще и направление. Протрезвел, одумался. Уехал в Москву. Получил второе образование, красный диплом. Поступил в аспирантуру. Сообщил об этом маме по телефону. Она сказала:

– Хорошо. Как у тебя с деньгами?

– погоди, мам, ты не поняла. На курсе сорок человек, и только у меня диплом с отличием. В аспирантуру конкурс сумасшедший...

– Ну и что? – перебила мама. – Так и должно быть. Ты же мой сын.

За целую жизнь – совместно и врозь – она удивила меня дважды. Первый раз – когда узнала, что мы собираемся в эмиграцию. Я готовился к обвинениям в поиске легких дорог и низких требованиях к себе. К словам «ре-негат», «отщепенец» и «крыса». Мама произнесла что-то совершенно неожиданное: «Уезжайте, пока выпускают. И побыстрее. Я помогу, если надо денег или бумаги какие ускорить». Мы с женой озадаченно переглянулись. Мама добавила: «У этой страны нет будущего. А там хоть какие-то шансы. Бог даст, поживете как люди».

Незадолго до этого окончательно развалили авиационный завод, где мама трудилась сорок лет. Последние двадцать – старшим экономистом. Шустрые мальчишки, незаметно вставшие у руля, перепрофилировали завод на изготовление газокачалок. Мама собралась на пенсию. Но ее уговорили поработать в той же должности еще немного. Поскольку ни в чем, кроме дележа украденного, новые хозяева не разбирались. И доделились – завод погиб. А она была хорошим специалистом и все понимала, конечно.

Второй удивительный разговор случился через двенадцать лет. Мы ужинали в кафе на Рио Сан-Моизе. Мама

рассказывала о знакомых из прошлой жизни. Тот женился, другой развелся. Третий опустился – поднялся – умер... Я спросил, где примерные дети ее сослуживцев. Ну, эти: Таня, Дима, Захар... Лёша.

Оказалось, что Лёша – кавалер двух медалей, надежда советского авиапрома – вдруг остался не у дел. Исчез авиапром. Лёша потыкался туда-сюда, одна фирма, вторая... Свой бизнес. Пролетел, насилию отдал долги. Взяли по знакомству начальником автомойки. Владелец сети – одноклассник Лёши, бывший хулиган и двоечник Мамаев. Уважаемый человек, меценат.

Таня, выпускница консерватории, сменила трех мужей. Пела в ресторане, имела успех с вытекающими... От ночной жизни стареют быстро. Сейчас играет на пароходах, фуршетах, банкетах. Иногда поет в церкви.

Дима не стал военным переводчиком – завалили на экзаменах. Работал в «Интуристе». Торговал учебными кассетами. Последнее время эскортирует богатеньких детишек в Лондон и там их гувернирует. Случается, бегают им за пивом.

Миша-хирург вообще отчудил. Женился на тетке с двумя пацанами. Она ему мигом сочинила еще пару девочек. Взяли ипотеку. Дети едят макароны с картошкой. Жена – Мишину печень. Миша режет и шьет, как портной-стахановец. И сильно жалеет, что не поехал в Италию, когда звали. Больше почему-то не зовут.

А Захар? Такой же молодец на все руки. Соседи не нахвалятся. Чинит, помогает, лудит, паяет. Только где работает и кем – неизвестно. Деньги получает в конверте.

Я не выдержал.

– Что, – говорю, – мам, я все еще хуже них?

– Ну зачем ты, – ответила мама, глядя в бокал, – нет, конечно. Я... Просто мне казалось, что ты способен на большее. Но жизнь так или иначе расставляет нас

по своим местам. Внешнее давление бессмысленно. Ты все правильно сделал.

И она с благодарностью взглянула на мою жену.

– Мы, – сказала жена.

– Что?

– Мы все правильно сделали.

– Да-да. Конечно.

Стемнело. Вдоль канала замерцали теплые огни. Выпорхнул ресторанный женский смех, двинулись тени официантов. По черному маслу воды скользнули на парковку три гондолы. Гондольеры перекликались усталыми голосами. Я думал о том, как важно, чтобы родители жили долго. До того времени, когда и они, и мы станем умными. И поздно чего-то доказывать, обижаться, считать взаимные долги. Хочется только прощать и любить. Если не забыли как.

Разумеется, мама выслала часы заранее. Но... Давно стих юбилей, отшумели тосты. Бутылка из-под шампанского наполнилась окурками. Посылка все шла. Вдруг мама звонит. Часы вернулись обратно. На упаковке что-то вроде «адресат не обнаружен».

– Мам, – говорю, – ты скопируй это и факсани мне. И вышли еще раз. Это дорого? Денег отправить?

– Не суетись. Давай лучше сверим адрес.

Мама шлет часы вторично. И... все повторяется до единой буквы. Приходит факс, где снова под нашим адресом штамп: «Addressee not known».

– Fuck. Fuck... – бормотал я, отыскивая в желтых страницах почту Новой Зеландии. Минут десять слушал автоматические голоса и классику на рояле. Исчерпав запасы английского мата, перешел на отечественный. На любые вопросы автоответчика повторял:

– Требую личной встречи с начальником.

– Он в командировке, – сказал наконец чуткий женский голос.

Интересно, куда и зачем начальник почты ездит в командировки?

– Требую личной встречи с замом. Ведь у него есть зам?

– Есть. Зачем вам личная встреча?

– Вот это мы с ним и обсудим.

– Мне необходимо зарегистрировать...

– Хорошо. Я хочу пожаловаться на отвратительную работу вашего учреждения.

– Напишите письмо.

– Трижды писал, – соврал я. – Послушайте, в чем, собственно, дело? Почему ваши начальники скрываются от людей?

– Завтра в десять подойдет?

Без пяти десять я ехал в лифте стеклобетонной высоты. Лифт тоже был стеклянный. На каждом этаже в маленьких прозрачных боксах, согнувшись, трудились клерки. Возможно, дизайнер здания хотел подчеркнуть, какой тут открытый и честный народ.

Из-за стола встал крепкий человек в расстегнутом пиджаке, без галстука. Приветливое, слегка мясистое лицо, нефальшивая улыбка. Мне расхотелось скандалить.

– Томас, – он протянул руку.

– Макс.

– Присаживайтесь. Чем я могу вам помочь?

Рассказывая, я выложил перед ним факсы. Томас внимательно изучил каждый.

– Невероятно, – произнес он наконец. – Один раз – и то редкость. Но дважды подряд... У вас адрес не менялся?

– Нет. – Я протянул ему счета за электричество, телефон и воду. – И почтовый ящик надежный. Кроме того, зачем воровать извещение, по которому без паспорта ничего не дадут?

Томас помассировал затылок и шею.

– И все-таки это очень странно. Ладно, будем разбираться. А вам сообщим о результатах.

Он мельком глянул на часы. Неслабые, кстати, часы. Это решило дело. Я широко улыбнулся и сказал:

– Мне ваши разборки ни к чему.

Замначальника поднял брови:

– Чего же вам надо?

– Компенсацию, естественно. За финансовый и моральный ущерб. Долларов пятьсот меня устроит.

Томас покачал головой:

– Нет. Здесь так не делается. Мы не частная контора, и...

– Я понимаю, но...

– Послушайте...

– Нет, это вы послушайте. Наша семья обычная, можно сказать, бедная. Директоров нету, и замов тоже. И гонять посылку туда-сюда нам, знаете, дороговато. Из-за того, что ваша почта работает как задница. Теперь моральный аспект. Маме семьдесят лет (я прибавил ей четыре года). Она мне шлет подарок к юбилею. И дважды получает его назад. Дважды! У нее стресс, а в ее годы... – Мой голос дрогнул. – Вы понимаете, что может случиться?

Демагогию такого порядка новозеландцы воспринимают болезненно. Томас стал похож на человека, заглотившего несвежую мидию.

– Подождите, – выговорил он, – сейчас...

На столе возникла стопка конвертов, перетянутая бумажной лентой. Конверты были междугородние: опоясаны сине-красной зеброй. И штамп «Оплачено. Почта Новой Зеландии».

– Вот, – сказал Томас, – сто писем бесплатно. В любую точку мира. А посылку вашу буду контролировать лично. Вам ее под роспись доставит курьер.

Часы оказались совсем простые. Скромнее, чем я ожидал. Циферблат без излишеств: 3–6–9–12. В центре кораблик и самолет. Кожаный ремешок. Мой друг Саша, пластический хирург, обладатель коллекции «Ролексов», застеснялся бы таких даже наедине с собой. А мне нравятся. Все-таки пять раз летали через океан.

Иногда я думаю: был ли какой-то смысл в этих перелетах? Или просто ошибка, случай. Но ведь случай – это псевдоним Бога. Не помню, кто сказал, однако мысль занятная. Отчего мамин подарок так упорно избегал меня? Почему именно часы? Хитрая машинка, крадущая наше время. Крадущая нашу жизнь. Я вспоминаю любимый рассказ Стивена Кинга... Хорошо. Допустим, у меня раздвоение личности и я сам уничтожил оба извещения. Но хочется понять зачем. Зачем оно этому второму?

Не дает ответа.

Часы до сих пор лежат в моей тумбочке у кровати. Раз в год я их завожу. Они тикают – чуть слышно, едва ли не грустно.